

**Андрей ШАРГОРОДСКИЙ, 1960, г. Первомайский, Харьковская обл.,
Украина**

СПАСЕНИЕ СЫНА ГИТЛЕРА

Мой дед, Шаргородский Андрей Никитович, был арестован по делу о бесосновательных массовых репрессиях в Винницкой области в 1937-1938 годах. Он служил в 3 отделе Винницкого УНКВД. Начальник Винницкого НКВД Кораблёв и начальник 3 отдела Запутряев в 1940 году были арестованы, и их приговорили к расстрелу. В отношении моего деда началось расследование, и его арестовали 24 июня 1941 года. Но его не расстреляли, как остальных, а отправили сначала в Лукьяновское СИЗО в Киев, а затем, когда угроза захвата столицы Украины стала реальностью, отправили в «знаменитый» УхтПечЛаг – Сталинский лагерь в республику Коми. Через время он всё-таки вырвался из лагеря. В конце октября 1943 года к ним прибыл представитель генерала Конева и объявил о том, что приказом ставки Главного командования создан Второй Украинский фронт. Все желающие, готовые кровью искупить свою вину будут сегодня же освобождены и направлены в район боёв. Желающих было немного, но дед понял, что это его шанс. Он сделал два шага вперёд.

- Фамилия?

- Шаргородский Андрей Никитович, лейтенант НКВД.

- Статья?

- Ещё не было суда!

- Как так? Почему тогда в лагере?

Дед увидел, как начальник особого отдела что-то шепчет представителю Конева на ухо.

- Ну и что? – удивился полковник. – Я его забираю!

- Товарищ полковник, без решения суда нельзя! Вы меня понимаете?

- А вы меня, товарищ капитан, понимаете? Мне через месяц Умань надо брать!
И кто у меня командовать будет, а? Может быть вы?

Так дед попал на войну. Он очень хотел написать домой, сообщить, что он жив, но начальник штаба его отговорил.

- Винница в оккупации. Письмо не дойдёт. И ещё, ты же знаешь, нам писать нельзя. Вот искупим, тогда и пиши. А может, мы ещё сами будем Винницу брать!

Тогда, лёжа возле костра, он хотел только одного – увидеть своих детей и жену. И представив то, как он войдёт в дом и их обнимет, окончательно его успокоило, и он заснул.

Не знал тогда красноармеец Шаргородский Андрей Никитович, что при освобождении Жмеринки остатки его взвода будут захвачены в ходе контратаки немецких частей. Не знал он также, что потом, через неделю, их освободят партизаны под Каменец-Подольском. И никак он не мог предположить, что опять окажется под арестом.

Всё это будет потом, а пока ему снились дети и жена Лена, которая тоже спала и не знала, что между ними всего-то было каких-то сто километров.

После того, как 20 июля в Винницу вошли немцы, в дом, где жила бабушка и её трое детей, подселили немецкого фельдфебеля Курта Розенберга, который очень хорошо разговаривал на русском.

Через месяц, 19 сентября, в городе прошли облавы. Хватали всех, кто не успел спрятаться. Людей, которые хоть немного были похожи на евреев, выгоняли из домов и выводили на улицы. Всех, кто был схвачен, расстреляли. В тот день было уничтожено около десяти тысяч мирных граждан. Вся семья была напугана, но немец, как ни в чём не бывало, объявил бабушке, чтобы она накрыла вечером стол на троих и дал ей сумку с продуктами.

Когда вечером машина подъехала к дому, Курт вышел с молодой женщиной и тут же познакомил её с бабушкой Леной. Сев за стол с гостьей, Курт неожиданно на чистом русском позвал хозяйку.

- Лена, присаживайся с нами!

Лена вышла в платье и присела рядом с Куртом.

- Вы так хорошо разговариваете на русском! Где вы научились, Курт? – от неожиданности произнесла спутница немца.

- Лариса! – обратился немец к ней.

- Я не Лариса! Вы меня с кем-то попутали! – Лариса встала.

- Сядьте! – приказал Курт. – Вас разве не учили, что резких движений делать нельзя ни при каких обстоятельствах? Если конечно вы не хотите получить пулю в лоб.

Лариса медленно опустилась на стул.

- Ваши документы не выдерживают никакой критики! Вы попадёте на первой же проверке! Мы знаем откуда вы, и как вы бежали из лагеря! Мало того, мы специально устроили эту встречу, чтобы серьёзно поговорить. – Курт налил вина. – Давайте выпьем за встречу, а потом всё спокойно обсудим.

Лариса молча выпила и судорожно размышляла: «Что это? Проверка? Тогда почему тут? И при чём здесь эта женщина?»

- Эта женщина, - как бы читая её мысли, продолжил Курт, - хозяйка квартиры, где я живу. И ещё: для всех, в том числе и для её родных, она моя любовница. Её муж в сорок первом был арестован НКВД и судьба его неизвестна. Скорее всего, его расстреляли. Именно поэтому я здесь и наши отношения являются своеобразной ширмой. Теперь о вас, Лариса.

- К чему весь этот маскарад? Зачем вы меня сюда привезли? – Лариса не могла сдерживать слёзы.

- Лариса, маскарад здесь устраиваете вы. Не надо этих слёз, не надо вопросов. Я всё сейчас вам расскажу. Мы получили задание из центра связать Винницкое подполье с партизанским соединением. И именно поэтому вы здесь!

- Я не понимаю, о чём вы говорите, - Лариса смахнула слёзы. – Вы меня с кем-то путаете!

- Не могу я вас с кем-то путать, Ляля Ратушная! Не имею права! Потому что Иван Васильевич Бевз, руководитель Винницкого подполья, настоятельно

рекомендовал именно вас в качестве связной. Вам даже позывной придумали – «Звёздочка»! Нравиться?

- Как мне вас называть? - Лариса пристально посмотрела ему в глаза.

- Я обычный фельдфебель интендантской службы Курт Розенберг. Так и называйте! А Лену называйте Леной! А мы вас будем называть так, как будет написано в ваших новых документах, которые вы завтра заберёте здесь, у Лены. Больше никаких вопросов! Все инструкции Лена вам завтра тоже передаст. Связь – только через неё. Только Иван Васильевич, вы и Лена знаете, что я не тот за кого себя выдаю. Поэтому любое упоминание обо мне из ваших уст будет означать мою гибель. И последнее, давайте ужинать! Я просто умираю от голода!

Так бабушка стала связной. Никто даже не догадывался об этом, так как Курт умело планировал все свои операции. Он почти всё предугадывал. Всё, кроме одного. Знаменитую подпольщицу Винницы, Лялю Ратушную, перед самым освобождением Винницы убили. Её гибель до сих пор является тайной. Курту и бабушке пришла пора прощаться. Когда они расставались, она попросила его узнать о судьбе мужа. И Курт выполнит своё обещание. Но увидится им больше не пришлось.

Кровавый восход солнца 13 апреля 1945 года не предвещал ничего хорошего. В шесть утра весь личный состав второго штрафного батальона, приданный Второму Украинскому Фронту, был поднят по тревоге в пять утра. Приказ личному составу был зачитан в пять тридцать. Батальону предстояло произвести зачистку районов в пригороде Вены. Взвод штрафного батальона, которым командовал дед, был направлен в местечко Пайербах. Именно там, прикрывая собой двух детей, он был убит власовцами. Один из выживших благодаря деду детей был мальчик, Георг Локамп.

Умирая, Андрей Никитович Шаргородский, был уверен, что теперь его семья не будет носить клеймо «Семья врага народа».

Через несколько месяцев Сталин в своём кабинете «отчитывал» Берию.

- Я знаю, что ты трус! Ты можешь только воевать с беззащитными мужиками, у которых перебиты во время пыток ноги и руки, и с женщинами, которых ты шантажируешь детьми! Ты просто сволочь, Лаврентий. Вы упустили в Берлине всю верхушку вермахта вместе с партийной кассой! Никто ещё не доказал, что Гитлер, Борман и Мюллер мертвы! Никто! Соображаешь, о чём это я?

- Да, товарищ Сталин! У меня есть одна новость, которая может быть связана с этим.

- Слушаю, - Сталин стал раскуривать трубку.

- Тут такое дело, товарищ Сталин. При освобождении Вены, 13 апреля, наш солдат спас жизнь четырём гражданам Австрии. Прикрыл своим телом. Сам погиб, а семья осталась жива. Командование представило его к награде.

- Ну, так наградите! Что за вопрос?

- Вопрос в том, что этот боец, Андрей Никитович Шаргородский, на момент гибели ещё числился в штрафбате.

- За что сидел?

- Он бывший сотрудник НКВД, в общем, ни за что!

- Вот! Узнаю своего друга Берию! Люди сидят ни за что, а потом героически спасают граждан чужой страны. Ценой своей жизни! Наградить героя! И статьи о нём в каждой газете напечатайте!

- Да, товарищ Сталин! Только мальчик, которого он спас, оказался незаконнорожденным сыном Гитлера!

- Что? – Сталин поднял глаза. – Что ты несёшь?

- У Адольфа был в юности роман с немкой, и она родила сына. Позже призналась, что это сын Гитлера. Я проверил!

- Берия! У меня желание появилось расстрелять тебя прямо сейчас! То ты упускаешь золото, то упускаешь Гитлера с Мюллером. А теперь выясняется, что твои заключённые спасают от смерти детей Гитлера!

- Я поэтому и хотел посоветоваться с вами, что делать! Может, Героя Советского Союза дать?

- Да ты что? Совсем уже с ума выжил? Представляешь, как во всём мире на это отреагируют? Они напишут, что Сталин дал уйти из Берлина Гитлеру, а своим солдатам дал приказ спасти всю его семью! Ты этого хочешь?

- Нет, товарищ Сталин!

- Забудь про этого героя! И всем скажи забыть! Не было этого спасения! Ничего не было!

Именно так, со слов бывшего немецкого фельдфебеля Курта Валенберга, о настоящем имени которого можно только догадываться, определилась судьба моего деда. Нигде нет никаких сведений об обстоятельствах его гибели. Нигде невозможно узнать подробности. Только похоронка и сухие официальные слова.

Встреча моего отца с человеком, назвавшим себя Клод Залеский, в Вене в 1992 году всё прояснила. Этот гражданин, в котором уже трудно было узнать храброго фельдфебеля Курта Валенберга, нашёл моего отца в Орле и помог ему приехать на могилу к деду в Пайербах, где всё ему рассказал. И о героической бабушке, и о Ляле Ратушной, и трагической судьбе деда.

Слушая потом рассказ отца, я просто поражался, как мои дедушка и бабушка пережили всё это? Бабушка, которая после войны стала изгоем, так как все твердили одно: «У них жил фашист, а муж так и умер врагом народа!» И дед, который прошёл лагерь, бесстрашно сражался за свою Родину, и погиб, прикрывая своим телом беззащитных детей, совсем не думая о том, кто их родители.

Как это ни странно, подумалось мне, но самое лёгкое и, в тоже время, самое трудное в жизни – это всегда оставаться человеком.